

Дмитрий Ахметшин

ПОГОНЯ ЗА МИРАЖАМИ

Дмитрий Ахметшин

Погоня за миражами

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28747136

SelfPub; 2018

Аннотация

Конец XXII. После «Мокрого кризиса» в Атлантическом океане бесследно исчез остров Исландия. Спустя какое-то время он стал в виде миража появляться в разных местах мирового океана. Для поиска пропавшей земли была организована экспедиция... Это рассказ из цикла рассказов под названием «Проект ambient» (серия фантастических рассказов, местом действия которых является наше будущее; место действия и вселенная – вот и всё, что, по сути, их объединяет, герои, за редким исключением, в каждом рассказе свои).

– Разве корабли не умеют летать?

– Это старинный корабль, капитан.

– То есть?

– Либо «Акюрейри», либо... да нет, это «Акюрейри». Та-

кие сейчас бороздят просторы разве что *пространства*. В виде фотографий и прочей старинной хроники.

– Не нужно лирики.

– Просто ржавая железяка, – первый помощник жмёт плечами. Подводит капитана к иллюминатору. – Рыболовный траулер. Двадцатый или двадцать первый век... я точно не помню. Это было ещё до мокрого кризиса, ещё не было гравитационных двигателей. Он просто не может летать. Он может ходить по морю.

– У него что, есть ноги? – капитан не торопится смотреть на стекло, куда проецируется картинка с телескопов. Он ухмыляется в лицо первому помощнику, редкие оранжевые зубы напоминают коралловые рифы.

– Это термин тогдашних мореходов, – невозмутимо отвечает помощник. Его фамилия – Ларссон, он смугл до черноты и беловолос. – Думал, вы его застали. Каких-то двести или двести пятьдесят лет назад...

Капитан бушует. У первого помощника сворачиваются, как засыхающие водоросли, в трубочку уши, команда спешит убраться подальше, тихо пересмеиваясь друг с другом.

Вот так. Море нынче спокойно, зато на борту иногда

разыгрываются настоящие бури.

Конечно, капитан валяет дурака. Команда уже отдана, и флигендешиф поворачивает своё громоздкое тело в сторону, где засекли юркий траулер. Натужно гудят двигатели, ноги чувствуют вибрацию гравитационной машины, чья судьба до конца жизни сражаться с упрямой мощью земли.

Над головой – баллон с газом объёмом в десятки тысяч кубов, где-то внизу красное, вязкое, похожее на разлитую ртуть, море.

Когда-то люди мыли руки в большой воде, как будто в раковине. Но потом, когда умные города только начинали расти, а *пространство* было уделом прикладных машин, а не живлённой в голову человека данностью, море взбунтовалось.

Всё случилось не мгновенно. Оно бунтовало почти сотню лет. Кверху брюхом всплывали рыбы, с коралловых рифов слезла кожа и окрасила воды в красно-оранжевый цвет. Вода изменила плотность, выталкивая на поверхность всё, что тысячелетиями копилось на дне океана. Сотни километров побережья устлала ржавые обломки – последствия человеческой жизнедеятельности, – а потом пропали, растворились без следа, будто в кислоте. В плавучих судах появлялись дыры, от прибрежных городов солёная вода, внезапно отрастив челюсти, отъедала целые куски. Люди бежали, побросав нажитое.

«Мокрый кризис», самый большой овраг на пути челове-

чества к светлому будущему. Овраг, из которого оно едва выбралось. Даже совокупный свет всех точечных конфликтов, что вспыхивали то тут, то там на протяжении всей его истории, не затмят торжественного сияния моря, что отторгло из себя заразу.

До сих пор идут какие-то процессы, но отслеживать их уже не осталось возможности. Любое инородное тело, погруженное в солёную воду, океан отторгает. Комкает, ломает, крушит, будто нелюбимую игрушку, и вышвыривает на берег.

Что знают о новом океане люди?

Он стал гуще. Приливы и отливы почти сошли на нет. Отъятая вода любым возможным способом стремится вернуться в океан, а он ревёт, всеми силами стараясь заполучить часть своей плоти обратно.

Так же постепенно менялась экосфера. Дожди стали другими, они разили, словно стрелы разъярённого небесного бога, и пахло от них то тухлыми яйцами, то лилиями. Растения и животные мутировали: часть вымерла, какие-то выжили, но изменились.

Возможно, этот ход ферзём был задуман не океаном, а самой Землёй, матерью-Тиамат, что породила на свет чудовищ. Своеобразная инъекция против человечества.

Но она не возымела должного эффекта. Дети уже достаточно повзрослели, чтобы дать отпор своей взбесившейся прародительнице. За спиной естественных мутаций, начав-

шихся в организмах с первым тревожным звоночком, встали суровые надзиратели – инъекции, стимулирующие иммунную систему. Конечно, далеко не каждый человек получил право благополучно дожить положенный ему век, но человечество выкарабкалось. Выкарабкалось, встало на ноги и зареклось отныне оделять вниманием престарелую ворчливую мамашу.

А что же с океаном? С океаном ничего не поделаешь. Теперь это просто много отравленной воды, в которой обитают какие-то новые существа. Теперь по ней скользит разве что тень лайнеров, которые поддерживают сообщение между континентами. «Мокрый кризис» породил множество неразгаданных загадок, оставил вопросы, на которые не так-то просто найти ответ, и приравнял современного человека к человеку доисторическому, представления о мире которого основывались на домыслах и хитросплетениях мифов.

Гравитационный шиф уже второй день идёт за миражом «Акюрейри». Первый помощник на палубе рассеянно смотрит в иллюминаторы. Капитан отдыхает. Больше живых людей на флигендешифе нет, вся команда – просто функции, действия, движения механических и информационных частей судна, для наглядности заключённых в блестящую обёртку с весёлой рожицей – псевдоинтеллектом.

«Идёт за миражом» – громко сказано. Мираж пропал, стоило моргнуть, пропал, оставив след лишь на записывающей аппаратуре и слегка разогрев работающую на холостом хо-

ду надежду. «Мы движемся в том же направлении, – думал Ларссон, – И не изменим ему до конца жизни».

В то, что рано или поздно оно приведёт бродяг к цели, уже никто не верил.

Большинство вопросов, которые поставила перед людьми обновлённая планета, отложены в «долгий ящик» с комментарием «разгадается как-нибудь само», но какие-то до сих пор штурмуют с вилами и топорами.

Например, была земля под названием Исландия, которая однажды просто взяла и исчезла.

Спустя почти пятьдесят лет с одного из межконтинентальных лайнеров вдруг увидели землю – там где её не могло быть ни по старым картам, ни по новым. Запросив разрешение на смену курса, над ней сделали круг. Записи с линз членов экипажа и пассажиров, а также с видеорегистратора воздушного судна до сих пор гуляют по *пространству*; они более чем обнадеживающие. Там есть люди! На зелёных склонах, между речек, водопадов и ползучих ледников, в тени вулканов, будто опять под камнями, угнездились домишки и даже целые посёлки. Пасётся скот. Столица, старик Рейкьявик с белоснежной бородой и безумными голубыми глазами-крышами как ни в чём не бывало полощет ноги в мёртвой воде Атлантики.

Что это? Действительно мираж? Надлом солнечных лучей в таинственных испарениях над океаном? Или и вправду пышущая жизнью земля, когда-то затерянная, а теперь терпе-

ливо ждущая своего Колумба? В любом случае финансирование на поисковые экспедиции было выделено. И вот одна из них прошивает облака своим сигарообразным баллоном с летучим газом, а винты на выносных пилонах втягивают воздух, точно две большие ноздри.

Идут достаточно низко, но обзор закрывает дымка. Утром вода серебрится, как шипучка, свет играет в ней оранжевыми и кроваво-красными искрами. В дымке нет-нет, да можно вдруг заметить летающий корабль. Тогда поисковая аппаратура призывно пищит и корректирует курс.

Вчера первый помощник, звейткапитан, поднял выданные им экземпляры карт со старой навигацией и сверил с их текущим местоположением и курсом. Потом сверился с энциклопедией наводных судов. Всё правильно, траулеру нечего делать в этих водах.

– Это же мираж, – бурчит себе под нос Ларссон – Что ты от него хочешь?

– Эй, звейтэкэп!

Ларссон оборачивается. За мгновение до того, как в его область зрения попала другая часть мостика, там уже стоял человек. Варсамас, навигатор. Узкое белое лицо, короткая кучерявая стрижка. Тело запамяно в стандартную корабельную форму. Если присмотреться, видно, как дрожат мочки ушей или же самые кончики пальцев – установленное больше трёх десятков лет назад голографическое оборудование не назовёшь совершенным.

– Чего тебе?

– Ваш родной город ведь Осло?

Звук идёт словно откуда-то из стены за головой навигатора. Так и есть.

– Ну.

– Там как раз карнавал. Не хотите взглянуть на парад поджелудочных желёз из местного банка органов?.. Держу пари, вы давненько не были на родине.

– Не хочу.

– Зря вы так. Я забросил там удочку и выловил вашу землячку. Таковую белокурую мутанточку с устойчивостью к температурным перепадам. Кажется, она не просекла, что я псевдоличность... Она будет участвовать в параде и позволит мне на это время кинуть кости в её прекрасных глазках.

– Как там капитан?

– Изволит отдыхать. Хорошо бы подольше... Вы не находите, что его приказы часто не имеют под собой логических оснований? Да ещё и чертями зовёт. Да хотя бы морскими дьяволами, всё не так обидно!

– Не нахожу. Таким как ты иногда не помешает хорошая взбучка.

С капитаном они мало общаются. Обыкновенно он стоит на своём пилоне жизнеобеспечения, похожий на бочку с морфином, и тоскливыми, потухшими глазами смотрит наружу. Будто зверь, для которого решётка уже стала нормой жизни.

Хотя иногда это фарфоровое изваяние, навсегда застывшее с одинаковым выражением лица, давало трещину. Чаще всего это случалось после затяжного сна, когда стариковский мозг ещё не включился и не задохнулся полностью под грузом лет. Он выкатывался на палубу, раздувая ноздри и выпячивая челюсть. И тогда в воздухе мерещился запах озона, пряной морской соли и табака; и заведующий энергопотоками, на корабельном жаргоне Эдиссон, спешил проверить, всё ли в порядке с генераторами.

– Где черти? – орал капитан. – Собрать всех на главном мониторе, чтобы я их видел!

Черти собирались, и капитан тыкал в них пальцем.

– Завтра! Завтра, а может, сегодня к вечеру мы найдём нашу потерянную землю. Тогда я запишу вас auf die flesch-Karte и брошу в жерло гейзера, если он там ещё работает. Вот тогда повеселитесь!

Хотя, случалось, и общались. Вспоминается разговор:

– Ты помнишь Ватнайёкудль? – спрашивает капитан, и ладони его трутся друг о друга с таким звуком, будто способны высечь огонь. С руками, в отличие от позвоночника, у него всё в порядке. – Помнишь этот ледничок, прохладный, как попка Kalteblut женщины? Как ты думаешь, его уже нет, или там ещё можно хранить пиво?

Ларссон отвечает, невольно заразившись настроением капитана:

– Ну конечно, он ещё там! Куда он денется, это же ледник.

Он таял тысячи лет и будет таять ещё столько же.

– Наверное, – говорит капитан, опуская подбородок и трогая внутреннюю сторону щеки кончиком языка. – Как хочется... да! Как хочется пройтись по Аустурстрайти, взять соуску со жгучим соусом и посмотреть на возню голубей. Как думаешь, голуби ещё остались?

Звейтэкапитан отвечает на бесчисленные вопросы, большей частью риторические, и вместе со своим патроном погружается в тихую, наполненную свистом ветра под карнизами исландскую ночь.

Каждое новое слово о второй родине вызывает в голове целый поток ассоциаций, картинок, таких ярких, будто выстрелы из сигнальной ракетницы. Ларссон может рассказать о Рейкьявике не меньше, чем капитан; они дополняли друг друга, словно идеальные супруги. Чего не помнил один, обязательно припоминал другой.

Постепенно старик утомляется, лицо его костенеет, на лбу вздуваются вены. Он умолкает, потом тихо-тихо говорит, и голос его теряется в дыхании машины:

– Мы никогда туда не попадём, сынок. Так и будем странствовать вокруг земли, пока не упадём в Raubwasser. Проклятые меценаты, они знали, что отправляют нас в вояж, которому не будет конца...

Возможно, он скоро умрёт, и тогда Ларссону предстоит стать капитаном. Первого помощника такая перспектива не пугает и не радует. Он будет делать то же, что и сейчас. Гос-

ковать по потерянной родине и вглядываться в мониторы в надежде увидеть на горизонте похожую на обломанный грифель вершину Керлинга. Капитан уже утратил надежду, хотя психомодуляторы говорят, что это невозможно. Тоска съела его с потрохами и катается сейчас на кишечнике, точно на качелях. Он – нет. Он, Ларссон, никогда.

Никогда не допустит такого, чтобы нынешняя его жизнь стала бледнее предыдущей. Кажется, это невозможно: в памяти иногда всплывают моменты из прошлого, из самой пыльной архивной папки из всех, что у него имелись, и выглядят они как нефтяные пятна в океанских водах. Каким бы мрачным не был океан, какие бы грозовые облака он не отражал, эти моменты светлее, чем любой из тех, что случились двадцать лет назад.

– Эй, звейткэп, – снова голос навигатора, снова за спиной. Ларссон не стал оборачиваться. – Шли бы отдыхать. Миража больше не видно. Что бы это ни было, у нас теперь есть направление. Мы с Моррисом за всем проследим.

– Ты тоже не веришь, что мы найдём когда-нибудь Исландию? Так же, как и капитан?

Ларссон вглядывается в обшитую хромом панель перед собой, словно надеясь разглядеть отражение навигаторского подбородка.

Ответ звучит с неожиданно механическим лязгом.

– Моя работа – не верить. Моя работа – прокладывать курс, подчиняться приказам. И делать вид, что я здесь есть.

Не дожидаясь ответа, Варсамас уходит. Система аудиовизуального присутствия старательно изобразила шаги, и где-то далеко, на том конце коридора, первый помощник услышал затихающий смешок. Вот же нахалы.

Он вспомнил свою первую встречу с капитаном, когда тот ещё не передвигался на пилоне, а был подтянутым, высоким мужчиной с седыми волосами и сухим лицом, таким, будто он регулярно подставлял его потокам солёного ветра.

А может, так и было.

Капитан явился за ним прямо в рекрутский центр, пренебрегнув возможностью пообщаться через *пространство*. Он проткнул юношу взглядом и без предисловий спросил:

– Ты знаешь, что Тихий океан мы сможем пересечь в любом направлении максимум за сто часов?

Ларссон не понимал, куда клонит капитан. Он ответил осторожным движением подбородка.

– Отдаёшь себе отчёт, что все куски суши, которые торчат из этого корыта с помоями, мы уже давно нашли? О, ты бы их видел... на костях в африканской пустыне и то больше мяса, чем на этих кусках скалы.

– Но...

Ларссон хотел спросить про Исландию, но слова вдруг повернулись и встали поперёк горла.

– Значит, ты понимаешь, что эта экспедиция не имеет смысла?

– Вам не нужны люди?

– Нужны, – без обвиняков сказал капитан. – Я сыт этими морскими чертями по горло. Мне нужен живой помощник. Живой! Тот, который жрёт в три глотки и знает застольные песни.

– Не уверен насчёт песен...

Ларссон собрался с духом и спросил:

– Так что, отыскать Исландию у нас шансов нет совсем?

У капитана дёрнулся глаз.

– Не волнуйся. Над гиблой водой полно миражей. Скучать ты не будешь.

О прошлом капитана первый помощник узнал за эти годы очень мало. Вроде он был признан неудавшейся личностью и принудительно подвержен психомодуляции. В темечке ему просверлили дырку и влили туда память об обсыхающем на губах солёном ветре, о кофейнях с труднопроизносимыми вывесками над вымытыми дождём улицами. О запахе серных источников и хрусте вулканического песка под ногами. О крике туканов.

О далёкой потерянной родине, которую нужно непременно найти.

Сам же Ларссон прошёл модуляцию добровольно. В наше время даже такого понятия, как «неудавшаяся личность» не существует. Каждая личность – личность при любом раскладе, ведь кто знает, какая карта выпадет ей в следующей жизни?..

Да что там – кто знает, какая карта выпадет тебе даже че-

рез десять лет?

Парень по имени Ларссон мог бы с этим утверждением не согласиться. Он был лишней деталью, забытой кем-то могущественным (и, кажется, достаточно рассеянным) при сборке современности.

Теперь же он болен Исландией, землёй, на которой никогда не был. И будет болен ей же хоть через десять, хоть через пятьдесят лет.